

Крестьянин и земля, хлеб и воля — корни русской традиции в «Сибирском романе» Николая Олкова в пяти книгах.

Барнаул: «Новый формат», 2020.

*О, сколько ты в себя вместила!..
И почернелые избышки,
И тихие разливы вод,
И деревенские церквушки,
И многостраждущий народ.*

Иеромонах Роман, «Росія».

«Землю, как мать, не забудешь надолго», — немногословно высказывался М. Горький, хорошо зная врожденную тягу русского человека к земле. Современная словесность имеет свойство уводить читателя в иную реальность бытия, наполненную легучестью земного существования, далекого от русской традиции, не говоря уже о создании глобального произведения, отражающего историю России, ее неразрывную связь с крестьянскими корнями. Сегодня, пожалуй, наибольшее возмущение вызыва-

ет то, что происходит именно с землей, с крестьянами,— настоящее общее горе. Находясь в своих перенаселенных мегаполисах, мы забываем, что деревенские люди в отличие от нас живут на земле. Как забываем и о том, что крестьянский труд — самый необходимый и справедливый.

Создать в наше непростое время роман, включающий пять книг, по сути, более чем вековую летопись жизни российской деревни, причем в самые ее переломные исторические моменты,— событие достаточно крупное для современной литературы. Однажды каждый век отечественной словесности обязательно разливается мощным половодьем эпохального произведения. Таковым по праву можно считать и «Сибирский роман» Николая Олькова. Юбилейная дата — 75-летие русского писателя — дает важное основание в очередной раз вернуться к его творчеству, еще раз, возможно, под новым углом зрения взглянуть на его прозу, сказать о его самобытных писательских качествах, отметить присущее ему благородство, душевную деликатность, чувство справедливости и всечеловечности.

Николай Ольков постоянно ищет необходимую для художника меру ясности и правды. Поистине поражает постановка социальных задач, которые он поднимает в своем многогранном романе, их по-шолоховски надмирное, национальное соединение с духом лиризма и поэтикой народного языка, с эпическим размахом, наполненным социальной борьбой, с темой рождения нового общества в муках и боли, в потерях и надеждах, проникнутой настоящим трагическим эпосом — трагическим свидетельством эпохи социалистического строя. То, что глубоко национально, именно то и является всечеловеческим. Здесь автор подключает свою совесть, свое понимание справедливости и честности к писательской этике и морали, что порой далеко не всем приходится по нраву и вкусу. Не секрет, народ и власть нынче существуют параллельно. Однако при всех ситуациях русский народ никогда не отрывается от отчих корней, а живет и продолжает трудиться на земле.

Чтение «Сибирского романа» подкупает тематической глубиной разработки, простым, доступным изложением художественного текста. Перед нами — прекрасная, написанная сильной и уверенной рукой проза, заключающая в себе великую традицию понимания минувшего времени, способного воскресать в продолжении нашей жизни, когда предстает целая историческая ретроспектива поколений: переселенцы, повстанцы, кулаки, советские труженики колхозов, новые русские фермеры, возрождающие землю, уставшую от «травы забвения», заждавшуюся цветущего колоса, хлебного, насущного, всегда нелегкого, но и радостного для крестьянских натруженных рук. «То есть, сама судьба у Николая Олькова сложилась так, что для нее он стал не только одним из наиболее значительных прозаиков и лауреатом писательской премии Союза писателей России «Имперская культура», а и тем человеком, слово которого заслуживает нашего самого пристального читательского внимания», — искренне, точно сказал о нем главный редактор газеты Союза писателей России «Русский писатель» Николай Дорошенко.

Вологодская Вытегра — историческая родина Николая Олькова, предки его в начале XVIII века подались с берегов Онежского озера, какое за свою величину недаром называют морем, в Сибирь и основали его родное село (ныне) Афонькино. Вытегра — районный центр, имеющий прямое отношение к ежегодным вологодским Беловским чтениям, там же есть и село Ольково. Примечательно, что из городка в десять тысяч жителей в советское время вышли шесть Адмиралов ВМФ СССР.

Николай Ольков был учителем, корреспондентом, редактором в районных и областных газетах Северного Казахстана, Омской и Тюменской областей, заведовал районным отделом культуры, занимался предпринимательской деятельностью. Жизнь и судьба писателя всегда были неразрывно связаны с этими местами: сегодня он живет в селе Бердюжье Тюменской области, где построил церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Он является автором десятков книг романов, повестей, рас-

сказов, более 25 книг публицистических и краеведческих очерков. Если избирательно бросить взгляд на русскую прозу XXI века, то в литературном современном процессе Сибири личность Николая Олькова высвечивается как знаковая фигура писателя третьего тысячелетия, твердо придерживающегося русской православной традиции, ее глубокой нравственности, того, что дано ему от земли, от кровных истоков. При этом во всем чувствуется присутствие скрытого духовного взора писателя, проникающего в его корневую систему, в свой род. Ведь корни человека — это не только земля, на которой он родился. Но это еще и нравы, устои народа, это жизненное устройство его отцов, дедов и прадедов. Это то, к чему человек должен испытывать неизбывно благодарность и уважение.

Жизнеобразующая канва, соединяющая все произведения в «Сибирском романе», включает множество различных исторических персонажей, представляющих моральную цельность народного характера — яркую полихронию образов и великую полифонию жизни русского народа, неотделимую от национальной судьбы России. Автор погружается в стихию материала, проникает в сущность происходящего, когда сами образы словно вырастают из реальной почвы бытия. На первый план выходит характер конфликта, угол зрения, психологичность ситуации, когда художник подключает все возможные резервы слова, которые в народе поистине неисчерпаемы, являя читателю его эмоциональную выразительность, стилистическую точность слова, взятого из самих недр народной речи, из ее глубинно-сущностных родников. Отсюда очевидна и вся богатейшая сокровищница писательского творчества Н. Олькова, выдерживающая сравнение с классическими работами В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, Е. Носова, творчество их и сейчас излучает тихий внутренний свет, какой есть только в русской природе. Стоит сказать, что Н. Ольков впитал основательные знания деревенской жизни, поэтому прозе его характерна достоверность и открывающая всю пространственную необозримость исторического времени широта изображения. Литературовед Л. Яцкевич, анализируя его произведения, вполне закономерно вписывает их в общий контекст сибирского эпоса XX века. Золотой запас России: Ю. Казаков, В. Распутин, В. Белов, В. Шукшин, О. Куваев, К. Воробьев — тот бесценный литературный запас, который отличался глубинным идейным содержанием и который оказал свое мощное влияние на творчество Н. Олькова. Главные смыслы у него мастерски впаяны в отточенную художественную форму.

Сибирь, Тюмень, Алтай, Красноярск, Якутск, Омск — «прирастающее богатство России», справедливо считал русский ученый-универсал М. В. Ломоносов. С острой болью писал о проблемах русского многострадального народа, о нерушимой целостности страны В. Г. Распутин, все творения которого были обращены к душе русского человека. Убедительное слово известных литераторов имело колоссальную силу! С. П. Зальгин, В. И. Белов, В. Г. Распутин обратили вспять решение ЦК КПСС о повороте сибирских рек в Среднюю Азию. Крестьянство — хребет нации русского народа, его вековая боль и невысказанная мука — одна из ведущих тем художников эпохи соцреализма. Так, писатель-сибиряк Г. М. Марков — автор эпического повествования «Строговы», «Сибирь», где эпицентром является судьба крестьянской семьи, а его роман «Соль земли» рассказывает о крупных преобразованиях послевоенной Сибири. И прозаик И. М. Ермаков, «князь сибирский», с его самобытным, сочным языком, вероятнее всего, даже ближе Н. Олькову. Нет, мы еще далеко не осознали, что такое язык нашей деревни. Писатель вслушивается в живую, разговорную речь деревни наших современников. Как потускнел, обеднел народный язык за минувшее столетие. А ведь народная речь питает жизнь и литературу! Она — благодатная почва для прозаиков и поэтов!

Думается, что такой писатель, как Николай Ольков, вовсе не нуждается в положительной-восторженной статье о нем, поскольку духовные ценности общества могут определяться для него самого лишь в связи с собственной традицией, выстраданной,

пережитой на подлинном материале, на той самой правде жизни, о которой Василий Шукшин говорил, что она и есть нравственная основа творчества. Это — та самая правда, в какой в той или иной степени найдет свое внутреннее отражение каждый.

САМЫЙ ХЛЕБНЫЙ ДОЖДЬ

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга первая. «Переселенцы», роман.

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Николай Рубцов,
«Тихая моя Родина».

*...Что русский исход тяжелей,
чем еврейский исход...*

Надежда Мирошниченко,
«Я им говорила...»

Незабываема, величественна Сибирь в произведениях В. Иванова, В. Зазубрина, В. Шишкова. Как региональное, так и общенациональное выходит на первый план в творчестве В. Распутина, К. Балкова. «Деревенское направление», которого придерживалась великая троица: В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, а также которому следовали такие писатели, как А. Яшин, Е. Носов, М. Алексеев, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Тендряков, В. Лихоносов, Б. Можаяев, С. Залыгин, сближало их всех с народом, их сочувствие, тревога непосредственно передавались и их читателям. Целая философия жизни русской деревни, неповторимая крестьянская ойкумена не отпускает нас и в «Сибирском романе» Н. Олькова. Писатель ведет обстоятельный, вдумчивый разговор со своим читателем, предлагая ему самую качественную прозу, выверенную, выдержанную по мысли и слову, и, как бы сказали в стародавние времена, неторопкую по манере изложения, неспешную.

В романе Н. Олькова присутствует свой особый краеведческий подход к этой извечной русской теме: на примере истории жизни двух губерний, двух крестьянских семей автор показывает предреволюционную ситуацию в России, раскрывает суть Столыпинской реформы, решительно нацеленной поднять экономику и сельское хозяйство, тем самым окончательно ликвидировать волну террора и народного недовольства, захлестнувшую страну, вовлекает в мир крестьянского быта, не отделяя его от остальной напряженной жизни Российской империи.

Книга «Переселенцы» начинается с повествования о хлебной Тобольской губернии Сибири, где живет и трудится на своей собственной земле Антон Николаевич Вазгустов, владелец крепкого многоукладного хозяйства, что досталось ему от деда и отца. «Разнообразна и размеренна крестьянская жизнь, у каждого времени свои заботы. Зима позволяет и отдохнуть, и в гости сходить, и за столом посидеть, только большое хозяйство долго лежать не велит», — все налажено у хорошего и заботливого хозяина, и мы буквально с первых строк с интересом вчитываемся в текст, все у него есть сполна: и «коровы все пять тяжелые», и «кобылицы, тоже три на сносях», и овечки с будущим скорым приплодом — вот, она радостная минута бытия! Испокон веку деревенский дом — хранитель устоев и традиций. «Изба — святилище земли...» — писал о ней, как о живом существе, друг и учитель С. Есенина поэт Н. Клюев, родина которого, так же как и предков Н. Олькова, — знаменитая Вытегра.

У Антона Вазгустова — «дом крестовой, с просторной прихожей, кутью, горницей и опочивальней», — подробно, с любовью описывает автор крестьянский быт, что невольно хочется заглянуть в Толковый словарь живого великорусского языка неумолимого собирателя русских слов Владимира Даля: Куть — задний, бабий, второй (по старшинству) угол в избе, кут. Мы еще не раз откроем это уникальное сокровище казака Луганского! Проникаешься писательской чуткостью к деревенскому языку, в котором живут россыпи золотого народного слова, обращаясь и к роману Н. Олькова. Крестьянская речь — нечто душевно-точное, ведь русские классики благоговели перед крестьянской речью. Предостаточно найдем мы в книге и предметных, бытовых деталей, когда автор рассказывает о сибирской общине, которая решала важные вопросы деревенской жизни, в том числе строительства новых домов и «пристройка к дому». Община имела старосту, писаря, звала общество на сходы, народ при таком разумном управлении все решал самостоятельно, зная наверняка, что ему необходимо. А нынче кто-то спрашивает народ? — вдруг возникнет мимолетный вопрос, заведомо повисающий в воздухе.

«Вазгустовы, иных таких нет», — может смело сказать о себе сибирский мужик. Недаром он на большой Никольской ярмарке, торгуя свиным салом «самого высокого качества», «сорвал солидный куш». Самобытность русского уклада автор колоритно живописует, перенося читателя на Никольскую и Шадринскую ярмарки. Несказанное удовольствие читать подобную книгу, смакуя массу разных неожиданных, дорогих русскому человеку подробностей, присущих всевозможным вещам и предметам, где никогда не бывает мелочей, где ничего не может наскучить. «Вся базарная площадь в уезде превратится в огромный стан, цыганский табор: сотни саней, груженных рыбой, мясом, шкурами, да и готовым товаром: пимами катаными, полушубками и тулупами, сапогами на собачьем меху», — это лишь небольшая выдержка из всего описания столь захватывающего красочного действия, когда голова идет кругом от одних только продуктовых рядов, не говоря уже об смекалистых уральских самородках — «мастеровых людях», об умелой и бойкой торговле скотом и всякой живностью... Тут во всей своей красе налицо и народные характеры, для каких у художника тоже припасены и свои краски, и свой колорит, и своя интонация, выделяющая особенности родного сибирского характера.

Вторая линия в книге «Переселенцы», что выстраивается параллельно линии Тобольской губернии, — это история Саратовской губернии, а вместе с ней и история жизни семьи другого крестьянского хозяина Никиты Артемовича Забелина. Ниточка человеческой судьбы нежданно-негаданно, благодаря сыну Игнату, «солдату служивому», несшему службу в Сибири и полюбившему дочь Антона Вазгустова Матронушку, пока еще издали, но уже сплетает будущее полотно жизни семьи Забелиных. Абсолютно противоположная картина, удручающая постоянными «нуждой и тяготами», «унылым запахом бедности», открывается читателю, когда он знакомится с хозяйством Никиты Забелина. Отнюдь неслучайно зреет в его исстрадавшейся душе «тяга к иной жизни, более справедливой и наполненной достатком», и все неотступнее с каждым днем одолевают его думы о переселении в Сибирь, заставляя быть собранным, сосредоточенным в мыслях и поступках. Не зря же польский шляхтич Казимир, социалист, пытавшийся взорвать самого Столыпина и сосланный на поселение в Сибирь, — сквозной персонаж в книге — поражен богатством этого края, его благодатными землями. «А там голод постоянный, ситный хлеб кушают немногие, да и ржаного не досыта», — рассказывает он о Северной и Центральной частях России, заведомо подогревая раздор в настроениях сибиряков, относительно переселенцев, внося смуту в их умы и сердца. Поэтому и Антон Вазгустов поначалу приходит к решению — «никаких поселенцев», лишь община должна остаться навсегда. «...чужие люди в твоём дворе — добра не жди...» — убежден он, отметим здесь существенную деталь, сознательно отделяя Сибирь от остальной Рации, так тогда называли

они Россию-матушку. Далее в своем «Сибирском романе» Николай Ольков неоднократно подчеркнет причину столь существенной разницы.

Центральная фигура повествования — это личность Петра Аркадьевича Столыпина, к ней, словно к краеугольному камню, ручейками стекаются самые разные человеческие судьбы, как-то случайно, тайно связанные между собой и соединяющиеся в единый мощный поток, — личность яркая и вместе с тем достаточно противоречивая, неординарная, если оценивать, как это талантливо делает Н. Ольков, соотношение личности, истории, духовности и бытия. Именно Саратовская губерния в первую очередь связана с его деятельностью во главе Российского правительства. В книге «Переселенцы» немало говорится о преобразованиях Столыпина, проводимых им в аграрном вопросе, поясняется суть экономических преобразований и земельных реформ, выпавших на долю русского народа. Дает автор и четкую характеристику той сложной политической ситуации, вызванной Японской войной, частыми неурожаями, когда террор был на невиданном подъеме. «Россия тяжело несла себя через начало века», — разве не пророчески звучат в романе слова писателя, мысленно возвращающие нас и к началу XXI века?

«Бедность и нищета в селениях и деревнях саратовской земли» вызывали у Столыпина горькие чувства, только от одного страшного вида деревенских торговцев, «убогости товаров», выставленных ими на продажу, он приходил в ужас. Вспомним сибирские ярмарки и сибирского торговца — огромная пропасть, будто два мира и две отдельные страны. «За что воевать? <...> «Земли своей нет, хлеба нет. Откуда взяться патриотизму?» — вполне справедливо рассуждал он, будучи в то же время сторонником жесткого управления, считая, что должен, чего бы это ему ни стоило, пусть даже жизни, — «несокрушимо навести порядок». Приняв Саратовскую губернию, Столыпин затем возглавил Министерство Внутренних Дел. Как крупный государственный деятель, он хорошо понимал «необходимость очень болезненных изменений в экономической политике и мироустройстве», видел, что «народ не желает жить по-старому», что «государство не вполне управляет страной», что только «глубокие реформы способны шевелить общество и двинуть Россию вперед», что победа над революцией «основывается не на физической силе, а на силе духовной». Думая о великом предназначении России, реформируя ее, Столыпин хотел создать «сильное духом государство». Так, аграрная проблема должна была решаться путем «установления нового порядка землепользования» и самое существенное — передачи крестьянину определенной части земли «в личную собственность». «Трудолюбивый крестьянин, то есть соль земли русской», освобождался от тисков и получал невиданную доселе возможность «закрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность». Предполагалось увеличить и «товарность крестьянского хозяйства».

«Столыпинский галстук», «столыпинский вагон», который был еще на очереди, чтобы потом навсегда войти в жизнь и судьбу русского человека, свое суровое действие возымели. Ирония истории, похожая на оживающие мифы и легенды, — не исключение в русской жизни, а история, как известно, имеет свойство не только повторяться, но и мстить. Такие размышления есть и у русского поэта А. Хабарова, заключающиеся в том, что Россию нынешнюю вернули ко времени «столыпинских» реформ. Этакий сценарный копирайт... Россию отправили в своеобразный «круиз», как в его одноименных стихах, что интересно, — по железной дороге (и как тут не вспомнить Блока, Есенина, Радищева...). Однако в поэтике Хабарова она ассоциируется прежде всего с железнодорожной пересылкой по этапу. И вот «рванули чужие кони»:

Ни разъездов... Сплошная тряска. / Запеваем на стук и стык,

В каждом слове — слеза да сказка, / В каждом стыке — осьмой тупик...

И несемся меж звездной сьпы, / В черном дыме и в скрипе лет.

Это что ж за вагон? / — «Столыпин!» — / Пьяный стрелочник крикнет вслед...

И вот уже почти сто лет нас трясет на этих стыках. А что нашли — «осьмой ту-пик»? Пресловутую свободу? Парадоксы той же истории, то, за что боролся народ, он так и не получил. Но обратимся к роману, как пишет Н. Ольков: «Судьба хранила Столыпина для более важных дел и событий...» И он вершил ее, несмотря ни на что, без страха идя к своей цели. Между тем экономическое и военное положение страны накануне войны было таковым: с 1885 года Россия занимает первое место в мире по темпам роста экономики — высокая степень концентрации в русской промышленности сочеталась с передовой технологией. Современный писатель, публицист Д. Дарин в очерке «Лицо России не тени, а синяки» отмечает суть «стольпинских» реформ, подводя их итоги: «Избыток хлеба в 1916 году составлял 1 млрд. пудов. И это за восемь лет действия реформы, а Столыпин просил двадцать мирных лет, заявляя, что тогда «вы не узнаете нынешней России». Напрашиваются аналогии с Россией сегодняшней, ведь после развала Державы прошло тридцать лет, а выводы неутешительные. Мы до сих пор помним слова Петра Столыпина, активного государственного деятеля Российской империи, обладавшего бесстрашным характером, слова, ставшие крылатыми, сказанные им в 1907 году, в конце первой революции: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Видимо, все так и было бы, но история, как принято считать, не допускает сослагательного наклонения, может, поэтому для истории, как и для литературы, в конечном итоге более ценна правда о человеке.

Идея служения человеку, правде жизни в высоком значении понимания этого слова является первоосновой и для художественной прозы Н. Олькова. При всей его симпатии и предпочтении к сибирскому мужику, который исторически никогда не знал крепостного права, помещиков, и обладал в отличие от мужика срединной России, знавшего постоянное притеснение и угнетение, совершенно иной психологией свободного, сытого, уверенного в себе и в завтрашнем дне крестьянина, преданного своей общине. Писатель, надо отдать ему должное, сочувствует, сострадает в равной степени и тем и другим, и зажиточным и бедным, стараясь объективно рассудить каждого, и правого и виноватого. Добровольная основа, положенная во главу угла аграрной реформы, вывела мужика «из многовековой спячки», что стало началом движения малоземельных крестьян Центральной России в Сибирь. Однако голод по-прежнему оставался самой неизлечимой болезнью России.

Причиной этому, как ни странно, была и природа, которая предчувствует внутреннее состояние людей и вызывает определенные ассоциации, от ее непредсказуемой стихии порой зависит урожай, она либо способствует решению человека, либо окончательно его останавливает. В. Закруткин некогда писал: «Земля же, как это всегда было, жила по своим, независимым от людей законам, и в ней тоже непрерывно, то тайно, то явно, происходят могучие процессы, перед которыми были бессильны разрозненные, враждующие между собой люди». Природа может вступать и в явное противоборство с человеком, и далеко не всегда из этой неравной борьбы он выходит победителем. «Лето того года стало жестокой страницей в жизни крестьянина Никиты Забелина, за все лето не выпало ни одного настоящего дождя... <...> Никита едва сдерживал слезы... <...> За неделю обмолотили рожь и просо, свезли в амбар. И без меры видел хозяин, что не только до новины не дожить — до Пасхи дай бог», — такова удручающая атмосфера жизни семьи Забелиных, психологически достоверно переданная в романе «Переселенцы». «Крестьяне имеют переменную душу от погоды, природы, от ветров и потоков», — так же тонко ощущал дыхание природы и тесную связь человека с ней А. Платонов. Неоднократно в романе в самые решающие моменты человеческого бытия обращается к природным истокам и Н. Ольков.

Утешает лишь то, что всегда во спасение человеку остается надежда: Никита Забелин окончательно осознал, что единственно правильный выход — переселение и «начал собираться в Сибирь». На первой же встрече переселенцев с сибиряками он

трагически погибает, столкнувшись с непреодолимым противостоянием, потому как не хотели сразу зажиточные крестьяне принимать «нищету из Расеи», не желали идти на передел разработанных своими же руками пахотных земель. Стремительно разрушались на их глазах старые основы общины. Сибирский мужик был опасен, независим и самостоятелен, бурлила в его крови еще со времен царицы Екатерины лихая воляница. Несмотря на стихийные протесты, тот же Антон Вазгустов внутренне готов изменить принятое им радикальное решение и пойти на компромисс, возглавив стихийный штаб помощи и поддержки переселенцев. Ведь главное для русского человека — сохранить мир в душе, самое ценное — кровная соприродность земле,— то, на чем стоит вера православная. Крестьянин должен с приходом новой весны сеять, а не предаваться праздным мыслям, а тем паче воевать друг с другом. Духовное равновесие — дороже всего. «Революция — дело богопротивное, потому православный человек никогда супротив Государя руки не поднимет»,— так отвечал сибирский священник ссыльному поляку Казимиру, яростно призывающему мужика к мятежу.

«Весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание, и является она всякий раз по-разному, одна на другую не похожа»,— крестьянин всегда живет в преддверии наступления весны, будущего сева, целительной весенней влаги, и «долгожданных дождей», чтобы «зернышко напитать и колос вырастить», и «в великих раздумьях и сомнениях» он, как «глубоко заборонить семя», «или чуть только притрусить землицей», как спасти его от изнурительной засухи. Извечные тревоги, муки и радости тяжелого крестьянского труда, в котором нет и следа обыденной мимолетности, за который болит душа и у автора, ведь мало для него написать роман, он сам участник всех происходящих событий с его героями, он с ними рядом, и в поле, и на веселье, он всегда здесь, на родной сибирской земле. Отраднo, что за простоватой повседневностью,— это и есть его непреходящее, вневременное — его слова красоты и истины, взятой от родной земли. Земля для него — нечто живое, нечто большее, чем данная реальность, она вечна и навсегда. Бунин в рассказе «Золотое дно» находит потрясающее определение: «Ведь земля-то сущее золотое дно».

Русская литература вобрала в себя глубины национального духовного опыта, непреложно сохраняющего верность нашим традициям. «Мать земля — это прежде всего черное, рожденное лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный ее эпитет «мать земля сырая»... Но ей же принадлежит и растительный покров, наброшенный на ее лоно. Он сообщает ее рождающей глубине одеяние софийской красоты... она же является хранительницей нравственного закона — прежде всего закона родовой жизни»,— заключал русский историк, философ и литературовед Г. Федотов («Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам»). Органическое единство с «тайнами земли», аналогично равное нравственному— высшему Божественному закону, чувствовал в себе и Г. Успенский. Он считал, если крестьянин свое «крестьянство» забудет, «тогда не будет больше этого народа, тогда не будет больше мировоззрения народа, не будет больше душевной теплоты, которая от него исстекает». «Останется только пустой аппарат пустого человеческого организма»,— трудно нынче не согласиться с ним, бесследно то и последующее за ним время для русской многострадальной деревни не прошло, и сегодня мы пожинаем горькие плоды собственного забвения отчих корней. Кроме глухой, внезапно пронзающей боли, равносильной вселенской тоске, когда видишь умирающие деревни нашей современной российской глубинки, ничего иного и нет в душе.

Следуя неизменной логике бытия, с надеждой на лучшее завершает Николай Ольков первую книгу своего «Сибирского романа»: свадьба Игната Забелина и Марены Вазгустовой — новая жизнь и рождение новой семьи — внутреннее примирение и примирение человека со всем миром. Согласитесь, ведь весна всегда располагает к любви, когда оживает природа, так хочется радости, душевного света. Будет ли

Игнат счастливее своего отца? — поверим, что не напрасно Никита Забелин ради лучшей мужицкой доли принял русскую смерть, пришедшую без срока и унесшую его в своих кровавых потоках. Возможно, в земле и содержится оправдание всех прошлых, нынешних и будущих потерь. И весенняя природа радуется открывающемуся добру и полнившееся теплотой сердце крестьянина дождиком, «тихим, проникающим, самым хлебным». И надеется Антон Вазгустов на собственные крестьянские руки, которые не боятся труда, и полон непоколебимой веры этот «мужицкий философ», хорошо знающий цельность и мудрость жизни, а посему, как заключает он вместе с автором, «не должно быть недобрых перемен». Как видим, размышляя сам, Николай Ольков дает пищу для размышлений и своему читателю, ставя вопросы, не теряющие своей актуальности и остроты на протяжении веков.

СИБИРСКАЯ ВОЛЬНИЦА И НОВАЯ ВЛАСТЬ

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга вторая. «Гриша Атаманов», повесть.

*Что впереди? Победа, конец?
Значит, не зря, объявляя Поход,
Самый горячий крутой жеребец
Под Атаманом копытом бьет.*

Павел Васильев,
«Песня о гибели казачьего войска».

*Видимо, в каждом веке
Свой сумасшедший год!*

Николай Кудашев,
«Ледяной поход».

Самые, может быть, любопытные страницы «Сибирского романа» Николая Олькова содержит его вторая книга «Гриша Атаманов», где показана национальная трагедия русского народа, его основной части — крестьянства, едва ли когда-то на своем веку испытавшего столько зла и насилия, трагедия, перерастающая в духовный кризис, который охватил первые годы существования молодого государства. Февраль 1921 года вошел в советскую историю невиданным крестьянским восстанием, когда сибирские мужики в ответ на продрозверстку, сравнимую с настоящей «грабежом», резко отличавшуюся от прежнего налога, встали, как бывало в судьбоносные моменты на Руси, всем миром. Но судьба мятежа сложилась трагически.

Однако о печальном — позже. Пока, как говорится, «суд да дело», герой повести Данила Богданович Атаманов основательно обустраивается на новом месте: поначалу переселенец срубил большую избу, затем вырос у него и добротный дом из кирпича. Как «мужик сообразительный», деловой, он сразу выбирает невесту — милую, скромную девушку Веру Тагильцеву. «До глубокого вздоха, до тайной слезы, до боли сердечной рад был жизни Данила Богданович: и с женой ему повезло несказанно, хозяйка, красавица, на ребят плодovitа; и дела его выстраиваются в заметное предприятие, вот маслоделательный заводик направит, и на всю жизнь занятие...» — в таком же размеренном, радостно-приподнятом ключе, как течет жизнь Данилы Атаманова, неторопко льется и повествование Н. Олькова. Нежная и сильная линия любви пронзает все пространство книги, она будто по духовному наследству передается от отца к его сыну Григорию, четвертому, младшему в роду Атамановых, особенно ладному, да и умом, красотой не обделенному. И «вот, какую силу поймел в сибирских краях новый род Атамановых, пять мужиков, пять семейств будет со временем,

ничем не пережать и ничем не перекусить наше слово и дело!» — уверен герой Н. Олькова.

Но другая судьба была уготована Григорию Атаманову. Иные планы на сей счет зрели и в государстве, правду и свободу для сибирского крестьянина отменяющие. Дурные предчувствия одолевали Григория: Первая мировая война, ставшая несчастной и роковой для России, революция, одним словом, беспокойное время выпало на его долю, втянув в водоворот протестных событий, истово разгоравшихся в крестьянской среде. Ему было суждено стать одним из первых действующих лиц Ишимского восстания — командующим Северной Народной армией — чтобы организовать, объединить поднявшихся против власти крестьян. Всему причина — набирающая угрожающие обороты злосчастная продрозверстка: «цифры доведенного задания, они были страшными», поскольку вступил в силу приказ Ульянова — «вытряхнуть хлеб из Сибири», хлеб — то единственное, что могло спасти революцию. «Власть себя обнажила», — к такому окончательному неутешительному выводу приходят отец и сын Атамановы. Создаваемые большевиками продотряды безжалостно грабили крестьян, забирая буквально последнее, повсеместно насильно утверждался «язык пролетарской диктатуры». Сибирская вольница заканчивалась! Неспроста отец Григория, двигаясь «к неведомому краю Сибири», и фамилию себе тогда решил взять вольную, свободную, поменяв Чайкина на Атаманова. Автор приводит образное, колоритное сравнение малорусского крестьянина — «убогого, с черными руками и согбенным плечом» с сибирским мужиком — сытым, довольным жизнью, успешным, «потому свободным».

Если в природе есть свои незыблемые законы, то для человека этого нет. Власть ни с чем и ни с кем не считалась, руководствуясь лишь принципом: все «выгрести до доньшка». «Видимо, с давних пор увязалась за человечеством примета, что природа всегда опережает крупные перемены и знаменские события, как бы предупреждая человека о неотвратимом, мол, готовься, хотя от тебя уж ничто не зависит», — с тонким психологизмом автор объясняет причину лютых морозов, внезапно и резко ударивших в ту роковую зиму. Не к добру примета. Вот и М. Пришвин, всем своим существом погружаясь в природу, подчеркивал: «Неустройство в природе так действует на душу, что русский человек чувствует себя самого как бы виноватым во всем с виною в душе». Казалось, и природа согласна, что «народ сломлен», бессилен противостоять большевицкому произволу. «Продрозверстка была исполнена», — врезается в память строка из повести, слова принадлежат Ленину. Эта цитата вождя пролетариата хорошо напоминает другую, ранее претворенную им в жизнь, которая кардинально изменила судьбу Державы, повлияв на дальнейший ход всемирной истории: «Россия завоевана большевиками» (ПСС, т. 36, с. 128). На сей счет напрашивается правомерный и неоспоримый вывод: обычно так говорят о вражеской и чужой стране. Есть над чем задуматься.

Стихия восстания сибирских мужиков выглядела непредсказуемо, и поначалу она развивалась спонтанно. Бунт, расправа, самосуд — ужасная картина, не поддающаяся однозначному пониманию. Пожалуй, это самые мрачные, кровавые моменты в книге, рисующие невыносимые сцены казни, что пугают, вызывают у читателя шок своей обнаженной натуралистичностью: «Весь вечер над деревней висел собачий лай, гремели выстрелы, бабий вой и мужской грубый мат смешались в страшном хоре. Полная луна с испугу прикрылась тучами, белесый туман жутким саваном накрыл землю». Автор вместе со своими героями не только вершит человеческие судьбы, но и думает о природе исторических бедствий, революций, войн, пытается понять причины затаенной ненависти. Главный ужас их даже не в стрельбе, не в голоде. Он в том, что освобождаются доселе скрытые, низменные, человеческие страсти. В людях накапливается огромная концентрация зла. «В народе великая злоба зрела», — говорится в повести. То, что в человеке прежде подавлялось законами, неизбежно выхо-

дит наружу. Для многих существуют лишь внешние законы, а внутренних табу у них нет, и когда-то всему этому должен быть выход — наступление всеобщего помутнения разума. Благочестив, но и бессмыслен, беспощаден русский человек. Свои в дикой, неистовой ярости убивали своих же, верша непоправимое. В этой битве победителей не бывает.

В любом случае, Григорий Атаманов горько переживает жестокую смерть отца любимой им девушки. Он знает, что время уходит, а повстанцы не получают должной и обещанной помощи и не в состоянии собственными силами взять железнодорожную станцию Ишим, не могут они захватить и город, чтобы перекрыть большевикам пути поступления хлеба в Москву и в Петроград. Понимая всю обреченность, безысходность, всю дальнейшую трагичность мятежа, автор сочувствует своему герою, сравнивая его состояние с состоянием «обложенного волка», который аналогично чувствует «неизбежность гибели» и лихорадочно ищет спасения. Григорий вспоминает давнюю охоту с отцом и мужиками на волков: тот взгляд волка ему никогда не забыть — взгляд загнанного матерого зверя. Особенно тяжело читать финальные строки повести, когда природа дышит весной, когда торжествует нестерпимо яркий запах воздуха, а Григорий Атаманов готовится к расстрелу, когда так хочется молодому человеку, полному сил и желаний, жить. Но звезды на весеннем небе решили иначе: не суждено ему никогда увидеть сына, который вот-вот должен появиться на свет.

«Бездонное чистое небо со звездами. Теплый ветерок подул из казахских степей, только начало апреля, а уже чувствуется, что весна идет. Атаманов закрыл глаза, и слеза сверкнула на его щеке в свете восходящего утра...» — и сердце сжимается, и тоже хочется сглотнуть подступающую к горлу слезу... Как коротко пребывание человека на земле, как нестерпимо больно за его жизнь и судьбу! Николай Ольков — мастер создания духовно властных образов. Перед нами — неминуемая смерть героя и вместе с тем, вопреки настойчивому зову смерти, поднимается чувство некоей огромной спокойной силы и надежды, поднимается и начинает расти внутри. Нечто похожее прочитывается и у прозаика Леонида Андреева в финале его рассказа «О семи повешенных» (1908 г.), где смерть продолжает бороться с пробуждающейся жизнью, до последнего надеясь победить ее торжество, еще только набирающее силу: «И так же мягко и пахуч весенний снег, и так же свеж и крепок весенний воздух... Так люди приветствовали восходящее солнце».

Стоит заметить, что где-то суровый и в то же время где-то трепетный писатель Николай Ольков почти виртуозно улавливает нерв создаваемого текста. Он способен заставить читателя не только радоваться, но и страдать, и сопереживать, и способен скупую слезу у него вызвать — некая своего рода проверка на истинность современного творчества, уже достаточно редко чем-либо трогающего наши усталые души. Совершенно иное дело классики, там действуют высшие измерения. «Есть чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно...» — до сих пор остаются пронзительны лермонтовские строки. Именно правда жизни и правда литературы пересекаются и в прозе Николая Олькова, никоим образом не противореча друг другу, а наоборот рождая в его «Сибирском романе» это святое зерно всеобщей истины, зерно слова и дела, зерно писательского и крестьянского труда.

Продолжает тему народного восстания, народного гнева, кровавого и беспощадного, завершающий книгу рассказ «Повстанец». Весьма необычен в нем ракурс раскрытия происходящей действительности: жизнь сибирского крестьянина, его безысходная трагедия видится здесь глазами деревенского паренька Кольки, который по своему осмысливает судьбу Демьяна Трушников, активного зачинщика бунта, казненного в 1921 году комсомольцев и коммунистов, затем осужденного на 25 лет валить лес. Рассказ имеет сквозную связь, благодаря которой сохраняется единство персонажей, крепость их преемственности. Обращает на себя внимание одна существ-

венная деталь: тайна — то, что крылось под оболочкой, в глубине самой природы этого, мягко говоря, странноватого повстанца.

Демьян поведал приглянувшемуся мальчишке свою неизбывную боль, рассказал о гибели сына, какому было тогда 15 лет, как нынче и Кольке. Поволжские «инородцы» из продотряда, силой забиравшие наличный хлеб, не пощадили его сына. Охватывает чувство невосполнимой потери, настолько пронзительно автор смог передать горе Демьяна, когда тот после поджога избы, где спали убийцы, возвращается домой: «Оделся, вышел — в морозном воздухе пахло свежестью, ветер уносил запах пожара в другую сторону. Постоял, стал мерзнуть, пошел во двор, где жило его горе»,— всего лишь скупой и точный штрих и, кажется, уже навсегда образ готов. Современные писатели этим порядком пренебрегают, тогда как прежние писатели относились к подобным деталям с особенным вниманием. Колька слушал этот предельно откровенный рассказ, будучи потрясен до глубины души, до внутреннего катарсиса, что можно вот так просто казнить своих же людей. Тут поражает и монолог самого Трушникова, поднявшегося до философского осмысления жизни: «Вот стал я думать тогда, а что же есть человек? Отчего из-за куска хлеба цельный народ на дыбы поставили?». Власть разделила собственный народ, помогая одним и презируя других. Коммунары, чувствуя поддержку государства, получая от него технику, деньги, не стремились работать с самоотдачей, а нанимали местных крестьян. Зажиточные же мужики составляли конкуренцию коммунарам, потому что у них преваляло, как утверждал В. П. Рябушинский, «выстраданная идея собственности», которую «русский народ никогда больше не отдаст»,— делает вывод видный политический деятель в своей статье «Судьбы русского хозяина».

К примеру, у современного писателя А. А. Яшина есть повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, убедительно касаясь и роли коммунаров, которые прибыли в деревню, чтобы организовать передовой колхоз-коммуну, но вместо одного занимались пьянством, грабежом, разбоем, весьма печально закончив это поначалу громкое, многообещающее предприятие новой власти. Замечу, что небольшой рассказ Н. Олькова — сложная по художественному жанру форма — вбирает в себя немало судьбоносных пересечений, сопоставлений, сравнений, из которых и состоит человеческая жизнь. Мы вновь встречаемся с Григорием Атамановым, когда он уже осознает всю противоречивость, двусмысленность повстанческого движения: «...много жестокости, чересчур — много»,— признается он в своих мучительных прозрениях. Задача взять Ишим провалилась, вероятно, в большей степени из-за узости и неадекватности крестьянских взглядов и убеждений, когда все намерения бунта и установления порядка общины заканчивались у себя же в селе, а то, что было за околицей, сибиряков серьезно не волновало. Вполне закономерно, ведь русский народ отрицательно относился ко всем революциям.

Но как бы там ни было, зло всегда порождает зло. Самосуд и казни, совершаемые повстанцами, не могли принести им душевного покоя и счастья. Убитые и убийцы — их в рассказе не разделить. «После обеда судьи и палачи напились в доску, топя в сагононе страх перед людьми и Богом <...> Свои деревенские казнили других лютой казнью»,— где-то бесстрастно, явно скрыв эмоции, пишет автор. Может быть, ошибаюсь, но единственно заслуженная казнь, не вызывающая сожаления, хотя автор этого прямо и не выказывает,— казнь губернского продкомиссара Инденбаума, жестоко разорявшего крестьян. Так или иначе, не пожалел и его повстанец Демьян, не дрогнула уверенная рука сибирского мужика, дескать, знай наших.

Что характерно: похожая мировоззренческая основа трагичности человеческой судьбы, вечных поисков русской правды заложена в последних мыслях главного героя в повести «Гриша Атаманов» и в последних словах другого героя в рассказе «Повстанец», которую едва ли считаешь внезапной литературной параллелью.

«Помни меня как повстанца, а не как бандита. Прощай»,— говорит Кольке, будто исповедуется, Демьян Трушников, тем самым подводя свой итог восстанию сибирских крестьян. Невольно всплывают в памяти слова русского святого, преподобного Серафима Саровского: «Мир между людьми начинается с мира в человеке». Но как нелегко утвердить мир и сохранить его в себе, как мучительно человек приходит к очевидным и простым истинам. Исходя из всего имперского могущества Руси, из всего духовного прошлого русского народа, писатель Борис Зайцев мудро считал, что «истинная Россия есть страна милости, а не ненависти».

«НА СЕБЯ ВЫЗЫВАЕТ ОГОНЬ...»

«Сибирский роман» Николая Олькова. Книга третья. «Кулаки», роман.

*Славя крест, имущество славя,
Проклиная безверья срам,
Волны медные православья
Тяжко катятся по вечерам
<...>*

*И сказал Евстигней: / — Разлука
С прежним хуже копылий, ям,
И с хозяйством, — / Горчее муки
Тихо высказал, — / Не отдам.*

Павел Васильев,
«Кулаки». 1922 г.
(Разгар коллективизации).

*Мой ли с миром путь не одинаков!
Чем же всех других виновней я? —
Боже, Боже звезд и хлебных злаков,
Пощади меня и муравья.*

Геннадий Фролов,
«Ничего не надо...»

Довольно многопланова в сюжетном отношении, глубокомысленна в нравственно-философских коллизиях третья книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Кулаки». Прежде всего, в ней возрастает критическая настроенность относительно несправедливо устроенного общества, ибо оно не может принести крестьянину счастья, полной удовлетворенности результатами своего труда, дать ему радость свободного созидания на родной земле. Впрочем, не исключено, что кому-то роман «Кулаки» покажется замечательно несправедливым и одновременно замечательно острым по мысли. Мы не найдем у автора откровенного осуждения, либо полного неприятия советского строя, но нет у него и явного оправдания того тотального зла, которое принесла революционная эпоха. Будучи корневым русским человеком, уверенно стоящим на твердой крестьянской почве, писатель отличается — по тематике, слогу и художественному направлению. В этой книге немало аналитических раздумий, гражданской тревоги автора за человеческие судьбы, ведь попав в опасный водоворот истории, выживали самые стойкие. Мировая война, революция, война гражданская, интервенция нанесли крестьянству невиданный ущерб, пожалуй, как никакой другой части населения. Были разорены тысячи деревень, заброшены миллионы гектаров пашни. Повсюду в стране начинался голод.

Роман особенно актуален сегодня, когда мы буквально недавно перешагнули столетний рубеж НЭПа. Восемь лет новой экономической политики — самый удач-

ный проект советской власти. Крестьяне поверили, что и к ним власть прислушивается. Да и сам НЭП стал разумной реакцией на вооруженные протесты 1921 года, вспыхнувшие против продразверстки, о чем, как мы уже знаем, идет речь в повести Н. Олькова «Гриша Атаманов» и в его рассказе «Повстанец», имеющем с ней прямую взаимосвязь. X съезд РКП (21 марта 1921 г.) законодательно утвердил продналог, что пришел на смену продразверстке. После введения НЭПа словно манна небесная снизошла на деревенских мужиков: появились хорошие и дешевые продукты, а крестьяне, исстрадавшиеся по своему любимому делу, будучи в напряженном ожидании обещанной передачи земли, трудились не покладая рук. Даже без тракторов и комбайнов с 1922 по 1928 г. сбор зерна вырос с 36 до 77 млн. тонн, хотя еще в целом крестьяне по-прежнему жили бедно.

Однако Сталин не мог окончательно принять частную собственность и во главу угла ставил социалистический принцип обобществления — это та неразрешимая дилемма, что до сих пор вызывает горячие споры в обществе. И тогда, и сегодня опять мало чего дождалось крестьяне. Опасаясь реставрации капитализма, правительство очень скоро прихлопнуло НЭП, а крестьянам оставалось жить надеждой, что землю им все-таки дадут. Доколе продлится такое унижение собственного народа, затянувшееся на долгие десятилетия? Сильное противостояние охватило весь народ: с одной стороны — крестьяне как основной союзник пролетариата, с другой — они же как объект длительной борьбы. Посему и в книге «Кулаки» мы наблюдаем верх бесчеловечности — раскулачивание зажиточных сибирских семей — конечный итог политики НЭПа, когда кулака истребили как класс. Именно зажиточных крестьян называли не иначе, как кулаки, «сельская буржуазия».

В центре повествования романа Н. Олькова «Кулаки» — Мирон Демьянович Курбатов, «думающий, расчетливый крестьянин», прочно обосновавшийся в сибирском селе Бархатово, которое является главным средоточием основных событий. «Нынче хлеба свезли столько, что моих мужиков с последним возом чуть назад не отправили: некуда ссыпать. Разве такое было когда? Три последних года трудящийся мужик хорошо окреп, судьбу за бороду ухватил. И кредиты будем брать под посильный процент, и технику покупать. Я сразу бы трактор взял, край нужен», — с воодушевлением, с трудовым энтузиазмом, какие переполняли его, говорит Мирон об эффективности системы НЭПа председателю исполкома, большевику Всеволоду Щербакову. Их разговор сразу выявляет столкновение разных взглядов: коммуна как будущий путь развития деревни, опора власти на беднейшее крестьянство, ни на что самостоятельно неспособное, ожидающее помощи от государства. Совершенно иной подход у крепких мужиков, составляющих, по мнению Курбатова, настоящий «костяк села». Тут тебе и «большие пашни», и «большие сотни пудов» мяса, и «паровые мельницы», снабжающие мукой весь край, и лес, и изготовление шпал для железной дороги, и уникальная выделка шкур — всего и не счесть! «Все мужики трезвые, семейные, детные, в жизни уверены, да и не особо озабочены иными делами, кроме своих», — разве они могли поверить, что власть однажды передадут бедноте?

Да и Сталин, будем откровенны, испытывал страх: «Россия может вернуться к капитализму», — этот двусмысленный факт подчеркивает и Н. Ольков. НЭП — явление временное — не без веских на то оснований считает и довольно неоднозначная личность в романе — партийный работник Щербаков, что, собственно, очень скоро становится очевидным и для остальных персонажей: крестьянского хозяина Мирона Курбатова и торгового купца Емельяна Колмакова. «Ни хрена у вас не получится обмануть Мирона Курбатова, он ужом проползет, черным вороном взлетит, но своего не отдаст», — так рассуждает своевольный сибирский мужик, принимая «крутое решение» — исход из села в глухую тайгу. Они снова построят дома, распашут земли и опять станут жить, как жили их отцы и их деды. Это свобода! «Уйти в тайгу на пустое место, начиная жизнь заново с топора и сохи», — во многом и утопичная идея

мечта Мирона о честном колхозе все же возымела свое действие: полтора десятка самых зажиточных семей уходят далеко в тайгу. «Обоз в тридцать саней, ни на что не похожий, катился по сельской дороге от одной деревни до другой, третьей», — и, казалось, труднопреодолимые версты и для сибиряков, и для автора, и для читателя оставались позади.

Любопытно и честно об истинной природе русского мужика размышляет мыслитель, публицист, так же, как и автор социальных романов А. Зиновьев и бывший в СССР под запретом И. Солоневич, заставляя задуматься о том, кто врёт: история или мысль? Солоневич давал оригинальные и неожиданные оценки тем или иным историческим событиям, говорил не только о «таинственной славянской душе», но и пытался исследовать природу русского мужика, которого недооценивала та же русская литература, русская классика, оторванная от реальности, ставшая в той или иной степени причиной революции, а в последствии и Великой Отечественной войны. «Крепостной режим искалечил Россию», — отмечал Солоневич. А расцвет русской литературы совпадал с апогеем крепостного права, которого, повторюсь вслед за Н. Ольковым, никогда не знал сибирский мужик. Выдающиеся русские классики писали в пору этого апогея, отличаясь при этом весьма противоречивыми суждениями о русском мужике. Русская литература, по словам писателя-историка И. Солоневича, была великолепным отражением «великого барского безделья, недооценивавшего крестьянина, когда русский мужик — деловой человек». Подтверждение этим мыслям можно найти в романе Н. Олькова «Кулаки», когда сибирский мужик Мирон Курбатов способен в экстремальных ситуациях мобилизоваться, оставаясь человеком деятельным, энергичным, который ни при каких жизненных обстоятельствах не опускал руки и не боялся никакой тяжелой работы. Кроме того, он трезвый человек, а не бездельник и праздный пьяница, заметим, по душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Именно о таких людях с прочным внутренним стержнем пишет Н. Ольков. Крестьянский мужик — человек, знающий, что ему надо, в отличие от русского интеллигента, одержимого лишь идеями социального мессианства, к тому же русская интеллигенция всегда была в оппозиции правительству. Дело же русского крестьянина — дело маленькое, но это есть дело. Оно требует знания жизни и людей. Поэтому мужик должен быть умнее Бердяевых. Они, русские крестьяне, сталкивались с миром конкретных вещей, не могли позволить себе права на ошибки в отличие от тех же философов, литераторов. Классики же упорно представляли нам лики бездельников, создавая все новые и новые загадки. Толстовско-каратаевское непротивление злу, Достоевская любовь к страданиям, Чеховское безволие — со всей исторической эпопеей русского народа далеко не всегда, лишь отчасти, либо вообще не совместимы. Герой Н. Олькова, сибирский мужик Мирон Курбатов, волевой, независимый, не собираясь сдаваться на милость обстоятельствам, как раз и доказывает обратное.

Майор Буллит, первый американский посол в СССР (1933—1936 гг.) писал: «Русский народ является исключительно сильным народом с физической, умственной и эмоциональной точки зрения». Факты истории говорят сами за себя: слабый народ не мог построить великой империи. Пассивность русского народа — блеф и миф. Сделав некоторое отступление, вновь вернемся к роману, к его главному герою Миرونу Курбатову, тоже не имеющему права на ошибку и решившему основательно «готовить место для будущей деревни». Первыми должны были уйти взрослые дети, а затем и семь семей заговорщиков собрались тайно от общества и властей покинуть село, уйти подальше, вглубь тайги, «чтобы власть не подумала искать и наказывать». А все потому, как считал И. Солоневич, что сам «правлящий слой ушел от народа, и народ ушел от правящего слоя». Обращает внимание на глубокий социальный конфликт, на беду отчуждения народа и власти, постигшую нашу страну, и писатель Н. Ольков. Он досконально владеет темой, о которой пишет, знает саму русскую почву!

Практически каждый художественный образ, создаваемый автором, вне зависимости от его общечеловеческой значимости и идейно-эмоциональной нагрузки, заслуживает особого психологического анализа.

Все нити в романе ведут к образу Мирона Курбатова, здесь прослеживается системный реалистический подход, когда расставляются и все точки над *i*, когда люди ждут его последнего слова, прислушиваются к его суждениям, которые отличаются глубиной и точностью, когда единодушно верят ему, дружно, слаженно работая в артели. И Мирон понимает, что «он в ответе за тех, кто ему поверил». Да, он «ничего не знал, кроме родной своей земли», мало учился, трудно было крестьянину открыть не только для себя, но и для других единственно нужное слово. «И вдруг слово это, которое он искал, ждал, находил и снова терял, вдруг оно ясно обозначилось в сознании: воля, свобода»,— обозначилось оно и в романе,— то сокровенное, что никогда нельзя отнять у сибирского мужика.

А тем самым временем, пока Мирон строил таежную жизнь артели, пока учился у той же природы «готовности человека ей противостоять», пока открывал ее живые чудеса, бьющие ключом горячие родники, а рядом с ними пастбища, среди зимы покрытые зеленым ковром разнотравья,— вдали от тайги, по всему сибирскому краю активно разворачивалась коллективизация, шло раскулачивание, нарастали репрессии. Н. Ольков достоверно передает «неизвестность и страх», охватившие крестьян. В книге приводится список исчерпывающих данных, свидетельствующих о политике немедленного раскулачивания. «Насильственное решение о коллективизации партийных органов» было окончательным и пересмотру не подлежало — у большевиков все исполнялось «под наганом». Горько читать эту деревенскую честную прозу, горько осознавать, что надежды на справедливое создание колхозов уже не было.

1929 год Сталин назвал «годом Великого перелома» и заявил о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Вождь пролетариата обосновал теорию классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Перечитывая пронзительные строки Н. Олькова о «глазах вечного крестьянина», «самостоятельного и независимого», чувствуешь, как внутри вдруг поднимается волна протеста, замысел власти становится все яснее: «иллюзии насчет единой деревни» рухнули. Это признает и большевик Щербаков. «Сибирь всегда была общинной»,— обозначает автор важность крестьянина ощущать себя хозяином своей земли, разумную необходимость трудиться на свое личное, а так же и общее благо. Коллективизация подобный принцип полностью исключала. Вскоре Сталин сам возглавил заготовку зерна в Сибири. Закупочная цена, которую он назвал крестьянам, их не устраивала. Возмущению Сталина не было предела. Он незамедлительно принимает решение — взять силой хлеб у зажиточных землевладельцев. Действовали специальные тройки НКВД, репрессивные суды, тех, кто отказывался идти на укрупнение хозяйств, жестоко раскулачивали. В итоге было раскулачено 3, 5 млн. личных хозяйств, сослано 7 млн. крестьян. Лютая ненависть зрела в народе к советской власти. В романе говорится о «революционном напоре и неотразимой настойчивости» крестьянства, когда насилие и кровь, частые поджоги стали нормой деревенской жизни. Вынужденное самоубийство Никифора, брата Мирона, расстрел его верного степного друга Молдахмета, помогавшего таежным беглецам сохранять скот, арест купца Колмакова, не успевшего распродать свои прибыльные магазины,— звенья одной цепи в системе, карающей человека за любое непослушание ей.

Как результат коллективизации и раскулачивания, аналогично той же продрозверстке,— страшный голод 1931—1933 годов. Резко сократился валовой сбор зерна, повсеместно шел массовый забой скота. «Боже, что они сотворили с деревней! Не от работы, а от голода вымрет народ!» — до глубины души возмущался Мирон неутешительным сводкам по удоям и севу, читая новости в газете «Правда», подшивки которой ему заботливо собирал Молдахмет, когда он наведывался к другу за необхо-

димыми покупками для артели, различными вещами и предметами быта, инвентарем. Суть происходящего противоречия высказывает в романе секретарь уездного комитета партии Пашенный: «Как ни верти, а все крутится вокруг частной собственности, и крестьянин за нее может отдать все, даже жизнь, потому что собственность — это свобода, воля». Но вместо свободного труда — труд подневольный получил крестьянин, не имевший даже паспортов, которые лишь начиная в 1974 году власти разрешили выдавать. А между тем на крестьянском дворе стояла последняя четверть XX века!

К концу 30-х годов в селе Бархатово, где происходит действие романа «Кулаки», был колхоз, работала машинотракторная станция, открылись курсы механизаторов, хотя область считалась одной из самых отстающих по развитию сельского хозяйства. Как видим, карательные меры бездарной власти не принесли желаемого результата. О чем это говорит? Государству не нужны эффективные люди, высокие профессионалы. Еще одна существенная деталь: теоретиком экономического развития социалистической страны, подготовившем программу НЭПа, был Бухарин. Что же касается непререкаемой исключительности вождя мирового пролетариата, то позволю себе во многом усомниться, таким ли гениальным теоретиком был Сталин, как в советское время учили нас? «Нищий социализм — это паршивый социализм», — утверждал Бухарин. Сталин же наоборот фермерство считал вредным для социализма. Тяготы бесцельной, безысходной жизни укрепляли народ в мысли, что ничего нельзя изменить к лучшему. В период раскулачивания (известно также как раскрестьянивание) было уничтожено 20 млн. кулаков — наиболее эффективных крестьян. Общая цифра всех пострадавших от этой преобразовательной компании в два раза выше. Примечательно, что все тот же Щербаков констатирует: самодостаточный крестьянин, кулак, мог быть назван рожденным НЭПом советским крестьянином нового типа. Но — не назван.

В качестве альтернативного примера поиска новых путей развития возьмем Китай. В сложный для страны момент Дэн Сяопин соединил экономическую теорию Николая Бухарина и доктрину Мао, взяв на вооружение оба варианта оптимального экономического развития разных стран. Таким образом, создавались русские корни современного китайского чуда, которое сегодня воочию наблюдает весь мир. Дэн Сяопин в институте марксизма-ленинизма выделил целый этаж для изучения бухаринского наследия. Массовое изучение и внедрение трудов нашего теоретика — основа китайского чуда. Когда Россия в лихие 90-е годы, в период хаотичной перестройки, стояла перед таким же схожим выбором экономического пути, внимания на труды Бухарина она не обратила. Зато, напомним, 2015 год в России был ознаменован настоящим всплеском возрождения сталинизма! Поистине — страна бесконечных парадоксов!

Суровая тема, представленная Н. Ольковым, особо не располагает к романтике, но есть в книге и нечто, метафизический лейтмотив неслучайности, в большей степени свойственный поэзии, — открытый космос сибирской эпопеи. Образ вечной звезды, звездного неба в русской литературе и в жизни пересекаются в пространстве романа. Казалось бы, Мирону, сеющему хлеб, постоянно пребывающему в тревоге за урожай, некогда думать о чем-то ином, но в минуты отдохновения от земных трудов взоры его обращены вверх, к загадочному ночному небу, где явственно видит он «горящую падающую звезду». «Как сложно все в мире! Куда падет эта звезда, если долетит до земли — не сожжет ли посеvy крестьян, не подпалит ли городишко, не загубит ли несчастного», — не от светлых ли звезд, не из глубины ли самой Вселенной тихой таежной ночью пришли к сибирскому мужику эти неожиданные мысли? Семя и звезды, земля и небо, как земное и небесное, замыкающее вечный круг бытия, — эта правда, явившаяся ему, была куда как выше правды обыденной жизни, различимой простыми глазами. А еще «память на всю жизнь» — «загадка не его ума» — отра-

жающиеся звезды на глубине колодца вспомнятся Миرونу на чужбине, когда будет он защищать Родину от иноземного врага. Заветных строк в романе много — неизбывная интонация любви, лирическая и сильная, — верная жена Марфуша и поздняя любовь к молодой казахской девушке Калиме — извечный неразрешимый треугольник. Увлекательно раскрывает автор сибирские тайны, ведь жизнь таежная полна трудностей и постоянных забот, но полна она и чудес. Избыток образов, колоритных и самобытных, выходят из-под пера мастера, заполняя все пространство книги. Подогревает читательский интерес и встреча героев со старообрядцами, давно живущими в тайге, последышами единой христианской веры, сохранивших волю и землю — свои кровные истоки. Это следование традициям предков объединяет две артели. Неслучайно старик Банников так почитает и бережет икону Николая Чудотворца, с Божьей помощью которой крестьяне вершат все дела. Невольно возникает параллель и с трилогией А. Т. Черкасова «Сказания о людях тайги», что включает три романа: «Хмель», «Черный тополь», «Конь рыжий». Первая часть посвящена старообрядческой общине Филарета Боровикова, ее непростому существованию вдали от остального мира именно в тех местах, где происходят события романа «Кулаки».

Любовь к сибирской природе Н. Ольков передает и своим героям, их каждодневный труд вознаграждается дарами тайги: грибы, ягоды, орехи — неповторимые богатства этой чудодейственной земли. Сколько же прелести в крестьянском труде находит автор, зная его досконально, не понаслышке. Сколько дорогого для русской души сосредоточено в любимой работе! «До обеда стог, после обеда стог. А впереди работают косари, девчонки готовят сухие валки, завтра и там начнется, придут метальщики, копновозы, кладельщики, подсебальщики. И снова будут расти стога», — разве это не та же поэзия в прозе?! Стоит не преминуть случая и вновь открыть уникальный словарь знатока русской словесности В. Даля, его бесценное детище: Стог — Копна — Копновоз — подробно прочитав каждое определение, можно проследить единую, непрерывающуюся смысловую связь. Поразительно богат и красочен народный язык у Н. Олькова, невероятно насыщена художественно-речевая ткань его текста. Сибирский говор здесь торжествует! Старинное, сочное слово, полное мудрости, которое он зачерпнул и у яркого писателя И. Ермакова, красочной россыпью блистает на страницах «Сибирского романа». «В структуре каждого национального языка воплощаются следы мыслей родителей, дедов, прадедов и пращуров, их жизненная психология и философия», — верно отмечает это следование традициям белорусский ученый-методист, профессор В. Протченко. Своеобразное видение мира сквозь призму крестьянского языка, его вечно сияющего слова, будто пришедшего из старинных книг, пожалуй, одно из главных достоинств деревенской прозы Н. Олькова. Природа писательского дара прозаика столь же таинственна, сколь и проста. Талант художника слова остался природным и самородным. В этом и заключается русская традиция!

Мужество книги — тема войны с фашизмом. Война всколыхнула замкнутое лишь на себе жизненное пространство артели, поставив ее членов перед выбором: как им быть в данной ситуации, включаться ли в народную войну? «Небо разломилось пополам, извергая ветвистые молнии, и они, как корни могучих деревьев, пытались зацепиться за землю, но при ударе рассыпались в мелкий дребезг, осыпая искрами все окрест. Илья-Громовержец тоже вышел на войну...» — природа в романе словно благословляла человека на правое дело освободительной борьбы, и не мог МIRON Курбатов остаться в стороне от общей беды, что пришла на его Родину. Корни его дерева, расщепленные молнией, навеки были связаны с ним и с корнями его родной земли. «Война всех на вшивость проверяет», «Народ всегда воевал не за власть, а за Родину», «Неуж то мы сделаем вид, что нас судьба России не касается» — вот она, сущая правда, правда житейская, что укрепляла Мирона в его необоримых мыслях, в которых было много обыденной справедливости. У автора, как и у

его главного героя, тоже свои собственные представления о совести, чести, гражданском долге и ответственности за судьбы Родины, своя тревога за народ. Безысходная, бессильная ненависть, иссушающая души, не проросла окончательно в сердцах таежных жителей, а злоба и разочарование на власть не взяли верх над их разумом и любовью к своей земле. Потому что для русского человека Родина не там, где лучше, а там, где больше. Отечество — тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчетливо определить, но прикосновение которого к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом непрерывной пуповиной.

Взошла на небосклоне еще одна звезда, освещающая военную дорогу Мирона Курбатова, — солдатская звезда! «Я за каждый колосок, за каждое зернышко им отомщу, они проклянут день и час, когда казах Ахмадя послал русскому мужику Мирону голубя с красной ниткой на правой ножке», — это был знак начала той страшной войны, и крепла в его душе великая ненависть к врагу-захватчику. Тут оживает в памяти рассказ М. Шолохова «Наука ненависти», его бессмертные строки, созвучные чувствам Мирона: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Мирон Курбатов, как и шолоховский солдат, «и воевать научился по настоящему, и ненавидеть, и любить».

Вот и получается, что классическая русская литература встала против истории. Литературные психологические образы несовместимы с основными фактами русской истории. И, безусловно, соглашаешься с Солоневичем, что Каратаевы взялись за дубье, и Обломовы прошли тысячи две верст на восток и потом три тысячи верст на запад. Империя на 1/6 части земной суши показала всем свою реальную мощь. Не зря же Бисмарк завещал Европе: «Не воевать с русскими». Когда-то русская литература спровоцировала революцию и немцев на завоевание. Природа же, как известно, не терпит пустоты. Немцы и рванули, как и русские, в революционный рай, им той же мыслью предсказанной. В романе Н. Олькова нет иллюзий в оценках действительности, он придерживается трезвого реализма, поэтому прав и литературно, и жизненно. «А простой мужик рассуждал просто: ко мне во двор залез ворюга, да не просто, а бандит, грабит, насилует, тащит не свое. Как тут терпеть?» — глазами этого обычного мужика видит автор войну, твердо зная, что его «лесному человеку» надо раз и навсегда «свою землю от скверны очистить».

«Война. Нет в русском языке слова более жестокого и страшного.<...>Родина сжалась до масштаба малой твоей деревни, а патриотизм вместился в жаркое объятие самого меньшего сына, последыша», — от подобных мужественных слов писателя поднимается волна гордости за стойкость и героизм наших людей, завоевавших миру Победу. Не постичь было Гитлеру психологию русского человека, который с невероятным энтузиазмом строил города, возводил на голом месте заводы, изготавливал небывалую технику. «Русские малограмотные самородки, прямая линия от Левши, изобретали уникальное оружие и хитроумное оборудование», — отдает должное Н. Ольков русскому умельцу и патриоту, как некогда отдавал должное «баснословным мастерам», «так глаз пристрелявши», таланту русских мастеров-оружейников Н. Лесков. Недаром самобытный классик любил показывать стойких, смелых, могучих, удалых русских людей, ибо были они «своему отечеству верно преданные». Любил любоваться одаренностью русского человека, который свято уверовал в «русскую полезность», в то, что «и у нас в доме свое не хуже есть...». В романе Н. Олькова изображение народа также основывается на глубоком знании русской жизни, ее бытового уклада. Чувствуется, что жизнь писателя богата мудрым опытом, что накапливается не сразу, десятилетиями. В его произведениях предстает народная жизнь во всем ее многообразии, показаны люди разных общественных слоев, и жизненная правда здесь гораздо сильнее горькой иронии. Это подтверждает космическая загадка судьбы Мирона Курбатова, когда «погибший вернулся с войны».

Эмоционально торжественен, наполнен светом и верой в человека финал романа «Кулаки». Коротко очерчивая вехи пути артели, празднуя вместе со своими героями великую Победу, оценивая их немалый вклад в общее дело помощи фронту, автор подводит повествование к своему кульминационному моменту — к возвращению таежных беглецов в родное село Бархатово, к остальным людям, к воссоединению со всем народом-победителем. Пройдя дороги войны, орденосеиц Мирон Курбатов твердо убежден, что у граждан его артели, у нового, молодого поколения должно быть будущее. Он пишет письмо товарищу Сталину с просьбой принять их честную артель, никогда не предававшую свою Родину, в государственную хозяйственную систему и «считать колхозом». Нам остается только верить в справедливость и торжество жизни, полагаясь на Божий Промысл о человеке.

«Будем бодрствовать!.. Любовь к своему народу и земле делает борьбу обязательной», — утверждал И. Аксаков. Ибо русский человек всегда в ответе за судьбу родной земли, принимая боль земли, как свою собственную боль. Такова Россия, такова доля ее крестьянская!

«АХ, СИБИРЬ, ТОСКА И РАДОСТЬ МОЯ...»

«Сибирский роман» Николая Олькова. Книга четвертая. «Сухие росы», роман.

*Воспоминание о полувекe,
Пронесшейся грозой уходит вспять...*

Борис Пастернак,
«После грозы».

*Русь извечная, Русь избяная
Прядет жизни волшебную нить.*

Евдоким Русаков,
«По-над лесом...»

Четвертая книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Сухие росы», как и три предыдущие книги, выдержана в жанре реалистично-бытового повествования, которое вбирает в себя активный период послевоенного восстановления сельского хозяйства, возрождения сибирской деревни, затем 70—80-е годы — годы мирного созидания, коллективного труда, и начало 90-х годов — новый сложный период — перестройка, повлекшая за собой распад великой Державы. Как видим, у писателя нет ни одной части его сибирской эпопеи, где бы не высвечивалась трагедия того или иного этапа в истории страны.

Кроме того, Н. Ольков — хранитель подлинной, из самой народной жизни зачерпнутой тайны русской души, русской природы, тайны самой земли. Книга «Сухие росы» открывается картиной мощного весеннего половодья. С такой же широтой каждой строки, с таким же привольем народного слова разливается и повествование романа, излучающее радость бескрайней сибирской земли, когда «весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание...», когда манит ее головокружительный простор! Кажется, пахнет вся природа, и тающий снег, и талая земля, и будущий хлебный колос — все запахи сливаются в единый сильный запах весны. Во всем ощущается чистое народное мирозерцание, народное чутье, тонкое восприятие красоты, составляющие степень народности, — то, что в романе и есть мера художественности. Автор, прежде всего, выделяет трех основных персонажей — это партийный руководитель района, прямой и честный коммунист Григорий Хмара, перспективный агроном, будущий руководитель совхоза Юрий Долгополов и председатель колхоза «Светлый путь» Макар Чуклеев, — цельные, основательные, художественно завер-

шенные образы, олицетворяющие нерасторжимую сцепку людей, целиком и полностью посвятивших себя крестьянскому труду. Их всех объединяет вечное, первостепенное — «состояние души, живущей вместе с хлебом». Пожалуй, лучше и не скажешь. Роман захватывает житейской правдой, неожиданными явлениями человеческих характеров, запутанными психологическими коллизиями, лирической, проникновенной мелодией любви, словом, простой и настоящей жизнью людей, самоотверженно работающих на земле.

Отметим, не может оставить читателя равнодушным и поэтический язык, присущий прозе Н. Олькова. Причем язык блистательный, искрящейся юмором, смехом, доброй иронией. Тут непременно вспомнишь и шолоховские образы! Когда-то В. Астафьев создал целый континент «сибирского» языка, отличающегося неповторимой манерой изложения. Сибирский говор — ценность и богатство этой земли. «Высота и богатство слова невозможны без высоты и богатства самого бытия», — писал В. Кожин. Высокое должно сопрягаться с обыкновенным, никоим образом не противореча друг другу. Такой искрометный язык в романе Н. Олькова, прежде всего, связан с образом председателя Макара Наумовича Чуклеева, весь облик которого вызывает добродушную улыбку. Однако он человек особенный, самозабвенно влюбленный в свое крестьянское дело, и кому-то смеяться над собой вряд ли позволяющий. «Макар встал, прошелся по кабинету, время от времени останавливаясь и покачиваясь на носках, любуясь новыми бурками с блестящими калошами: — Это хорошо, критика и самокритика, сорта и дипломы, а норму высева на сеялке, например, установить ты умеешь?» — живо, незабываемо описывает автор встречу председателя колхоза «Светлый путь» с молодым агрономом-отличником, защитившим диплом по новым сортам яровой пшеницы, Юрием Долгополовым. Крестьянский мужик Макар Чуклеев вовсе не скрывает, что крайне скептически относится ко всем агрономам, считает их «людьми ненужными».

К примеру, Короленко, когда рассуждал о Гоголе, Чехове, Успенском, как о писателях, делавших попытку смеяться над русской действительностью, понимал, что не все задуманное им удавалось. Он приходил к выводу: «...в русском смехе есть что-то роковое». По его мнению, если употреблять терминологию химиков, то это «неизбежно дает ядовитый осадок, разрушающий всего сильнее тот сосуд, в котором она совершается, то есть душу писателя». Но народная смеховая культура традиционно близко соприкасается с фольклором, она находит мудрое духовное равновесие, исцеляет человеческие души радостным, благотворным смехом. Данный феномен ярко проявлялся в творчестве Шолохова, Шукшина, который мог и соленую шутку отпустить, красочно высвечивался у сибирского писателя Ермакова. Вот и герой романа «Сухие росы» Макар Чуклеев, пусть и «не обремененный теоретическими познаниями», никогда особо не спрашивающий чужого мнения, зато называющий землю «не иначе как пашенкой», сочетает в себе и глубину души, и в то же время легкую ироничность, народный юмор, — то загадочно неуловимое, что присуще лишь русскому мужику. Это как раз тот случай, когда мы имеем дело с юмором неглупым, имеющим под собой серьезную, объективную природу вещей. И даже его любимое выражение «критика и самокритика», как бы оно не воспринималось, напрямую подводит к известному высказыванию Сталина о том, что «критика и самокритика — движущая сила нашего общества».

В книге обращает на себя внимание и жизненно важная тема современной науки, научного подхода в культуре земледелия как неотъемлемой части крестьянского труда. Проблемные вопросы сельского хозяйства Сибири, в частности, вопросы селекционной науки, новых принципов хозяйствования, тесно взаимосвязанных со сроками сева, элитными семенами, сортами яровой пшеницы, партийный руководитель Григорий Хмара пытается досконально выяснить, встречаясь с академиком Терентием Мальцевым. «Сибирь — зона рискованного земледелия...» — подчеркивает уче-

ный. Он поднимает крайне острые, назревшие проблемы «системы организации труда в полеводстве как самой оптимальной, приближенной для крестьянина к результатам своего труда напрямую», предлагает «убрать показатели и оставить крестьянину только реализацию продукции», «перестать командовать», не донимать его «мелочной опекой». Противоречия, крившиеся годами, становятся все более явными, требуя безотлагательного решения. Не видя реальных результатов труда, его рациональных стимулов, люди постепенно утрачивают и чисто профессиональный интерес. В России уже более ста лет не могут надежно зафиксировать результаты своего скорбного, зачастую невыносимого труда и передать их детям, хотя бы и с некоторыми потерями. Зыбкие отношения с собственностью сообщают русской жизни некую апокалиптическую летучесть. Григорий Хмара, предчувствуя грядущие перемены, пытается хоть в чем-то предвосхитить время, давно требующее от крестьянина конкретного подхода к делу. «Завтрашний день невозможен без ломки старого», — уверен и агроном Юрий Долгополов, руководитель иного типа, рискованный, предприимчивый, который тоже старается предугадать, поймать запоздалое время перемен.

Квинтэссенцией авторских взглядов в романе стали мысли академика Мальцева, когда он говорит об особой значимости крестьянина, высвечивая его лучшие человеческие качества: «Не тот пахарь, кто пашет, а тот, который любит свою пахоту. Пахать многие могут, а вот любоваться не всякий способен». Н. Ольков очередной раз подтверждает это чисто народное виденье мира, своей духовной миссии на земле, характерное лишь русскому человеку. Непоколебима и вера крестьянина, испокон веков сохраняющего рассудительность: «Кольца веры народной рассыпаны и утрачены, хоть лба русский мужик в храме не расшибал. Но боялся! И жить старался по правде...» — ни в коей мере не сомневается в христианских добродетелях русского человека Терентий Мальцев.

Мифологичность происходящего, сказочность, которой напитана вся сибирская земля, поэзия простого деревенского бытия ощущаются здесь в самых обычных вещах. Героев книги соединяет природная сила любви, когда родную землю любишь непредсказуемо, первобытно. Теперь ясно, откуда земляк Н. Олькова, писатель И. Ермаков, брал свои сочные краски, когда писал о сибирских местах, как о «рае земном для скотинушки».

Мы должны знать, что все в мире не напрасно, что все имеет смысл — Божий Промысл о человеке, направленный к тому, чтобы наша жизнь была достойна радости и гордости за свой труд. Русский человек «живет в нагрузку», как точно подмечает в книге академик Мальцев. Может поэтому он так любит вещи простые, понятные, знает цену, как и Григорий Хмара, каждому выращенному «пшеничному зернышку, вскормившему всю большую страну»? Да, русский мужик знает цену родным булкам и калачам, их ароматному запаху, их особому, ни с чем несравнимому вкусу! Стоит от начала и до конца прочесть эту красочную песнь сибирской земле, его Величеству Хлебу! О, сколько она вместила в себя: и боль сухой земли казахстанских степей, мучительно ждущей влаги, дождя, что делает ее «радостной землей», и спасительное чудо июньского дождя, когда «хлеба еще сохранили способность к полноценному росту, встрепенулся, раскинулся кустиками, трубку стебля выкинул, потом колос», и когда «август порадует хлебом», и когда настанет «осенняя сибирская ночь, без ветра, без туч», когда не бывает росы, когда можно надеяться на подарок природы — на счастливый урожай!

Необозримые поля с бесконечными рядами вызревающей золотистой пшеницы были для Григория Хмары тем единственным местом на земле, где он находил духовное отдохновение, духовное равновесие. Но с новой политикой перестройки, непонятной, хаотичной, все чаще посещала его тревога за будущую судьбу деревни. Что стало причиной необдуманных перестроечных реформ? Возможно, ложь, двусмысленность, страх перемен. В образе партийного руководителя проступают такие

моральные качества, как решительность, преданность идеалам Родины, служению своему народу, зримо проявляется такая же необоримая, изрядная сила — то явное сходство, что прочно сближает его с героем романа «Кулаки» Мироном Курбатовым.

Перестройку, которая разорила жизни и судьбы миллионам наших граждан, даже сложно назвать историей. «Мы не чувствовали никакой близости к тем, кого вынесла наверх перестройка», — признавался В. Войнович. В конце своего романа Н. Ольков как раз подводит нас к этому моменту общей усталости, спада, разочарования, горечи, послевкусия пережитого, что мы испытали в разрушительный перестроечный период. Автор вместе со своими героями остро воспринимает происходящее. Это — урок поведения при разных режимах жизни. Оставаться равным самому себе — при всех меняющихся политических режимах отстаивать свою позицию, быть рядом с народом. Сегодня понимаешь, что это были лучшие годы созидания, выпавшие на долю нашего народа, прошедшего через революционные бунты, раскулачивание, сталинские лагеря, войну. Нет-нет, да и мелькнет ускользающая мысль, почему было не взять на вооружение накануне самой перестройки ту же теорию Бухарина, — именно то, что так грандиозно сделал Китай? Но история не любит сослагательных наклонений, предоставляя это право литературе, укрепляющей человека в вере, дарующей ему надежду.

В эпилоге романа «Сухие росы» звучит подлинный гимн Сибири, «земле одушевленной и одухотворенной...», ее неиссякаемым богатствам, гимн-посвящение сибирским труженикам, влюбленным в этот край. Вслушиваясь в слова писателя, в их поэзию, принимаешь всем сердцем его самородный сибирский эпос, впечатляющий своим размахом, раздольем — той безграничной широтой природного пространства, которая имеет некую таинственную родственную связь и с широтой русского слова, что сливаясь воедино, олицетворяют великую Россию. В этой памятной любви к отчей земле и проявляется в творчестве Н. Олькова его напряженная страда на ниве слова, сравнимая с многотрудным посевом зерна: «Вот тут радуются сухой росе, сухоросу, неожиданному ижданному, когда влажный воздух ветра поднимут высоко от земли, а зерно останется сухим и твердым на радость немногословному крестьянину». Созреет пшеница на полях, уродится рожь, и земля будет с урожаем, а человек с хлебом...

«ХЛЕБ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ. И НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

«Сибирский роман» Николая Олькова. Книга пятая. «Хлеб наш насущный», роман.

*Стою в полях. И в дымке синей
Я слышу здесь, сквозь ветра зов,
Как дышит сердце всей России
В волненье зреющих хлебов.*

Евдоким Русаков,
«Рассвет».

Логическую завершенность «Сибирскому роману» Николая Олькова, вобравшему в себя синтез разных эстетических измерений, его нескончаемым, горячим думам о России придает пятая книга «Хлеб наш насущный», заканчивающая художественно-исторический цикл всей грандиозной сибирской эпопеи. Она наглядно свидетельствует о том, что в минувшем времени, пусть и насыщенном событиями, каким был век XX, оставаться нельзя, и представляет на своих страницах новые исторические условия хозяйствования.

«Я верю в возможность русского человека вырастать из глубин культурных корней своего прошлого и уходить к небу общечеловеческой цивилизации, не теряя сво-

его удивительного своеобразия, своей универсальности и своей духовности», — пишет российский политический деятель В. Игрунов («Русское и советское»). Н. Ольков, будучи внимательным наблюдателем жизни, создает именно такие человеческие образы, какие способны внутренне противостоять жизненным обстоятельствам, способны оставаться собой. Роман писателя рассказывает о судьбе человека, вся жизнь которого — сплошная борьба: вначале за элементарное существование, затем за «место под солнцем», а в конечном итоге — за собственную душу, за высший смысл бытия. Вот лишь общие штрихи петлисто го пути деревенского парня Родиона Бывакина, основного персонажа книги: безотцовщина, постоянная травля мальчишки его же одноклассниками, тюрьма, куда он попадает по малолетке. Повествование развивается по законам хорошего детективного жанра, глубоко увлекая читателя элементами тайны и загадки. Сюжет достаточно энергичный, находящийся в движении, как бы незаметно, но поступательно его герой идет к намеченной цели.

Отсидев свой срок на малолетке, Родион попадает во «взрослую» колонию, где его берет под личное покровительство тюремный авторитет Доктор. Такая опека для него была «и благом, и наказанием». Чтобы сохранить немалые капиталы, которые будут для молодого парня не только испытанием, но и шансом начать другую жизнь, Доктор, используя старые связи в криминальном мире, добивается его досрочного освобождения. Мы видим воочию, что в нашу когда-то предсказуемую и налаженную жизнь стремительно вторгается иная новая действительность — не утопически очищенная, которую выстраивали в своем воображении в 1987 году путающие литературу с жизнью либералы-интеллигенты, а реальность с кровью, преступлениями, рэкетом.

Судьба не щадила героя Н. Олькова. Вопреки всему происходящему, Родион открывает в себе предпринимательскую жилку, редкое умение прибыльно вести серьезное дело, и деньги Доктора пришлись как нельзя кстати. Сам же владелец этих солидных капиталов, настоящее имя которого Иван Александрович Бачурин и которому наш Родя до конца дней своих будет благодарен, вскоре умирает. И герой романа буквально спустя какое-то время уже не Бывалый, как совсем недавно знал его криминальный мир, а Родион Петрович Бывакин, сумевший не только ловко вести бизнес, но и своевременно вернуть зарубежные деньги, а в горячий разгар приватизации приобрести солидную строительную организацию с собственным производством и двумя заводами, объединив все это в состоятельную корпорацию «Командор». Он занимает прочное место в новом мире, пришедшем на смену старому, открывающему для него самые высокие двери. Теперь уже губернатор говорит с ним на равных, поскольку удачливый бизнесмен активно развивал производство у себя на родине. Ведь тогда в перестройку люди казались странно обезличенными, как-то большинство в одночасье потеряло свою индивидуальность. Те, у кого были деньги, открыто стремились на Запад, поближе к доступным благам цивилизации. Но для Родиона Бывакина всего дороже оставалась родная деревня с чисто русским названием Лебедево. Нет, не забывал он, как в колонии у него была заначка — кусочек хлеба, «подсохшего, пахнущего мышами и махоркой, но — хлеб, его ничем не заменишь». Хлеб и правда, такая же трудная, порой горькая, которая тоже у каждого своя. Хоть не только хлебом единым сыт человек, но и без него не выжить. Автор, как бы невзначай, ненавязчиво направляет главного героя в нужное русло, чувствуя его врожденное стремление к земле.

Неизменный читательский интерес вызывает и сквозная тема книги — тема непреодолимой дилеммы социальных сословий. Среди авторских подходов здесь присутствует соединение разнородных стилей, идей, встречаются некие особенности эклектичности. Подобным примером обращения к старинной манере изложения мыслей, душевной, неспешной, манере утонченной, оставшейся в XIX веке, можно считать письма прадеда княжны Лады Станиславовны Бартеневой-Басаргиной, хра-

нающиеся в ее личном семейном архиве, которые она любезно предлагает прочесть своему знакомому Родиону Бывакину. Сегодня уже, увы, практически никто так не пишет! Он откровенно захвачен этим далеким повествованием, письмом к горячо любимой жене, полным чистых и высоких чувств, поражен судьбой осужденного и сосланного в Сибирь прадеда Лады, так живописно поведавшего об удивительных сибирских местах, при этом не утратившего веры, любви к жизни. Родион понимает всю иронию судьбы, что коварно проявилась в неожиданно вспыхнувших к нему чувствах Лады, «сопредседателя губернского Императорского собрания», в ее любви, граничащей с безумием, да еще к кому, к бывшему эзку! «Вы живете иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с ее грязью, обманом, воровством...» — жестко отвечает он девушке, подразумевая абсолютную противоположность их взглядов. «Нас века разделяют», — бросает ей Родион резкую фразу, словно подписывает окончательный приговор, ни на минуту не сомневаясь, что подобное разделение стереть невозможно. Ведь и создание сословного общества — тупик, некая иллюзия, когда не стоит рассчитывать на «новых дворян». Социальное разобщение — неизбежный спутник размывания вековых общинных скреп народной жизни. К сожалению, оно поразило и наше современное общество.

Следуя достаточно подробным бытовым деталям повествования, надо признать, что личная жизнь нашего героя, сопровождаемая разными любовными историями, не сразу складывается удачно, а степной образ луноликой красавицы в череде каждодневных забот, неотложных дел так и останется для него лишь прекрасной и недостижимой мечтой. Переосмыслить свою жизнь, вернуть утраченное, вновь обрести единственную женщину и сына его заставляет смерть матери. Родион Бывакин принимает важное и мучительное решение, что станет в его судьбе самым главным: он создает в родной деревне Лебедево агрофирму «Труд». Причем само название заключает в себе великий смысл: труд — значит, творчество, которое приходит с любовью к земле, а не просто рабская работа, что от слова раб. «Целую деревню поднять — это великое дело <...> А главное — родина, земля, и люди тебя помнят», — обращаются к предпринимателю его земляки. В то же время настораживает один момент, что многие, по словам жителей деревни, «на себя уже робить не хотят», народ привык к «железной руке», перестал верить в свои силы, в то, что что-то путное может у него получиться. Отойдя от книжных событий, мы сталкиваемся с неким раздвоением личности, случившемся с целым народом, повлекшем за собой неизлечимую болезнь потерянной родины. Сказалось пагубное влияние перестройки, когда человек опять отвык трудиться на земле. А чья она? Произошло вырождение нации, необоримая усталость, корнями уходящая в прошлое, одолела народ, усталость, заставляющая забыть его о своем духовном первородстве.

Подлинный мастер эпического полотна народной жизни, русский писатель П. Проскурин говорил: «Слишком глубоко зашло разрушение. А спасение только в осознании своего национального пути, своего национального характера. Спасение придет только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше, и чего попытались его лишить». Бесконечно печальный писатель В. Распутин словно вторил ему, когда характеризовал период перестройки: «Народ оступился. Если раньше он оступался, то ненадолго. Он брал себя в руки. А тут он не захотел уже. Он устал... Сейчас, мне кажется, обречен весь мир. Подошло время негодности этого мира». Какие вешие строки! Очень хочется, чтобы Распутин ошибся в своем приговоре. Ведь им же было сказано и другое: «Несомненно, русская литература жива...»

Жива и русская земля, необозримая по широте и величию своих бесконечных пространств. Когда в голодные годы из Центральной части России переселялись в Западную Сибирь крестьяне, о чем рассказывается в книге «Хлеб наш насущный», они везли с собой и свою церковь. Крестьянин — от слова крест. Надежда на возро-

ждение у русского человека остается всегда. Нет-нет, да и наши мысли вернуться в сегодняшнюю Россию: «Душа и глаз просят церкви на одном из холмов — белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаще неба. Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на свое отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то молил твое сердце, заранее зная, что не удержит тебя», — с пронзительным лиризмом писал В. Курбатов, так же, как когда-то и П. Проскурин, и В. Распутин, как сегодня пишет и Н. Ольков, аналогично спрашивая самого себя о том, «когда же мы из населения станем народом?».

Именно такие перемены в умах, в настроениях народа происходят в повествовании Н. Олькова, деревенские люди хотят трудиться на своей земле. И. Ильин в свое время пророчески изрек: «Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного — смысла жизни». Ищет смыслы, поддержку, доверие народа и герой книги «Хлеб наш насущный» Родион Бывакин, который возвращается к своим истокам, к своим глубинным корням. В убыток собственному агробизнесу он спасает соседние хозяйства от банкротства, закупает самую современную агротехнику, строит кормозаготовительные комплексы, жилые дома для тружеников нового колхоза, подбирает надежных людей, для которых слово не расходится с делом, расширяет хозяйство, какое переименуют потом в агрофирму с символичным названием «Бывакинская». Родион задумывается: «<...>зачем живет человек на свете? В муках рождается, потом всю жизнь мучается, не все, понятно, но народишко-то белого света не видит. Мать в колхозе с темна до темна...» — вспоминаются ему и детские годы, трудное время внутреннего одиночества, когда он, спасаясь от окружающей его враждебной действительности, уходил в себя. Поэтому сегодня и хочет он вернуть народу хорошую жизнь, чтобы человек мог гордиться своим трудом. В романе четко обозначается авторская прохладность какой-либо политической ангажированности, что подводит незримую, но определенную черту во всем «Сибирском романе» Н. Олькова.

«Незнакомые чувства испытал Бывакин, впервые войдя в свои хлеба. <...>Хлеб. Огромными волнами, похожими на колебания океана, колышется пшеница. Так было всегда, и дед его, наверно, при одиночной жизни вот так же выходил к полю и ждал, что оно ему даст. И он сейчас, неожиданный хлебобор, случайный крестьянин, полон этих страстей: что даст, что будет?» — необъяснимое состояние испытывает он, так же желая привезти сюда и своих сыновей, чтобы сохранить эту нераспавшуюся родственную связь времен. Важно, когда твой труд не рассеивается прахом, а может быть материализован и передан детям, что увеличит в будущем их стартовые возможности, когда накапливается не только материальный, но и духовный капитал, и земля, облагороженная человеческим трудом, становится настоящим достоянием народа. «Общение с природой, родство с нею, труд во имя нее — есть древняя, неизменная, самая, быть может, надежная радость в жизни человека», — вдохновенно писал В. Астафьев.

Вечные, вневременные ценности — земля и хлеб — были всегда спасительными для русского крестьянина. «Только хлеб — это жизнь... хлеб — он насущный, он каждый день нужен, без хлеба человек не сможет прожить», — убежден и наш герой. Вот он, «бывший эзк, народный мститель и крестьянин, верный земле, на которой родился», Родион Петрович Бывакин, с трепетной любовью бережливого хозяина собирает в поле золотые стебли пшеницы, вяжет крепкий сноп из зерна, чтобы стоял в его деревенском доме как самое большое богатство, как великий смысл человеческого бытия — этот искрящийся солнечным светом букет из хлебных колосьев. «Хлеб. На каждый день. И на всю жизнь», — какая надежная опора — земля, деревня!

И какие широкие крылья — история, память! В наш зыбкий, по-прежнему смутный час, как будто свыше даны они писателю эпохального «Сибирского романа»,

уверенного в величии русского пути, в возрождении России. Нам остается лишь оценить сделанное этим замечательным художником слова, поразиться его масштабности! Только человек, любящий свою землю, свой народ, человек, сильный духом, способен воссоздать такие мощные русские темы!

Пусть в завершение прозвучит проникновенное высказывание Василия Шукшина, русского человека с такой же, как и у Николая Олькова, бесконечно растревоженной совестью и душой: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».